

Ростиславов Александр Александрович

Куинджи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Александрович Р.**
Куинджи / Ростиславов Александр Александрович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 63 с.

ISBN 978-5-519-83532-9

ISBN 978-5-519-83532-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

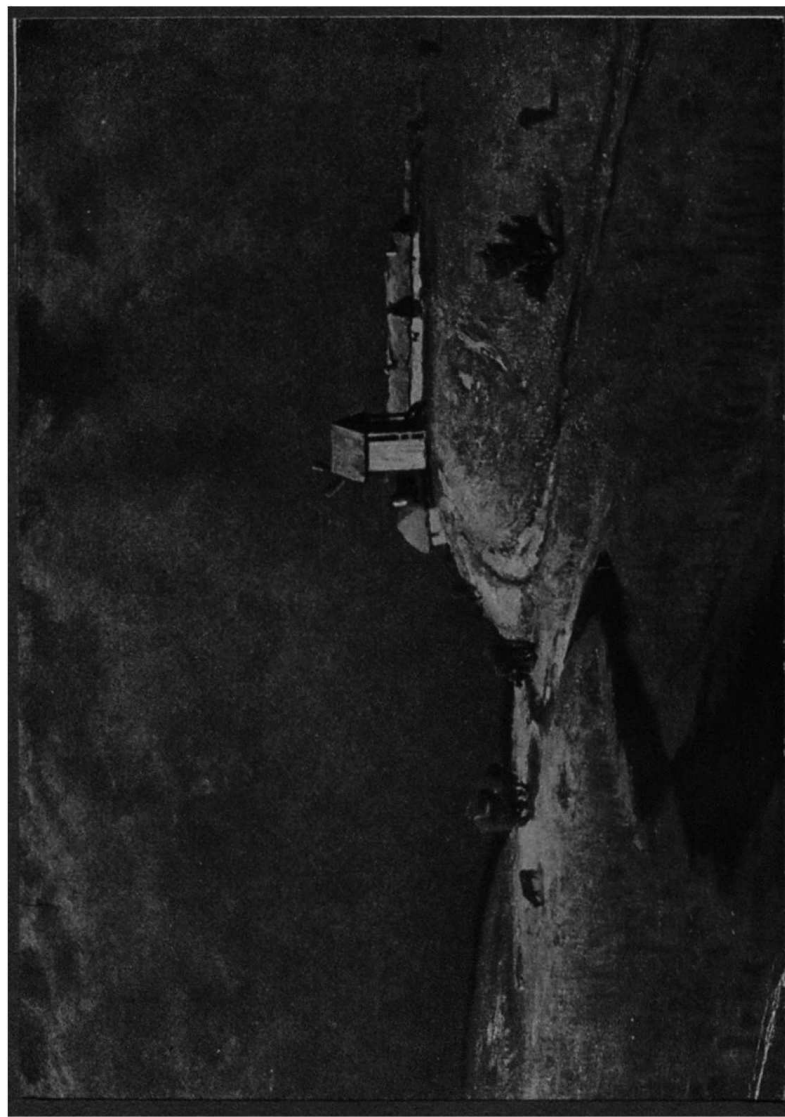
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

После грозы.

Третьяковская галерея.

A handwritten signature in dark ink, likely belonging to the artist Alexey Rukhovich Kuindzhi. The signature is written in a cursive, flowing style with a prominent horizontal line underneath.

Прекрасная, благородная голова на очень некрасивомъ, но крѣпко сколоченномъ тѣлѣ безъ шеи, съ короткими кривыми ногами, — таковъ былъ внѣшній обликъ Куинджи. На выставкахъ, въ собраніяхъ художниковъ такъ привычно было видѣть эту голову, какъ бы художественное выраженіе опредѣленнаго южнаго типа, слышать оригинальную рѣчь съ безчисленными „ну то... это“, съ паузами и той странной медлительностью, за которой такъ и сквозятъ страстность и горячность. Получалась какая-то странная гармонія между скульптурнымъ изяществомъ головы, некрасивой прозой совсѣмъ не идущаго къ ней, облеченнаго въ старый черный сюртукъ тѣла, безсвязной по первому впечатлѣнію и одновременно сразу заинтересовывавшей и убѣждавшей рѣчью. Радовала необыкновенная оригинальность всего облика, столь выражавшая оригинальную сущность.

Вѣдь несомнѣнно Куинджи — одна изъ самыхъ самобытныхъ интересныхъ фигуръ во всемъ русскомъ художествѣ.

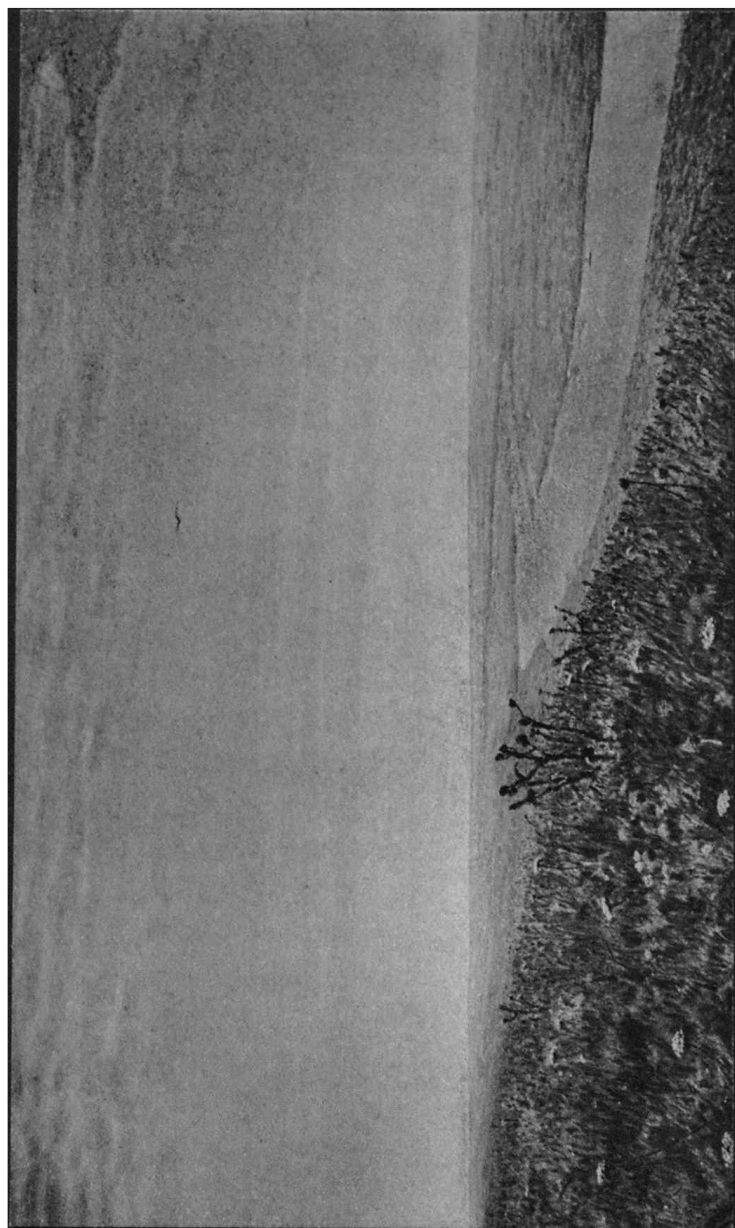
Поразительно для своего времени оригинальный художникъ, влюбленный въ природу и искусство, имѣвшій при своемъ появленіи почти сказочный успѣхъ. Одновременно ловкій и умѣлый дѣлецъ, сумѣвшій въ короткое время нажить крупное состояніе, которое онъ совершенно не тратилъ на обычные улады богатыхъ людей. Педагогъ, другъ художественной молодежи, такъ горячо любимый своими непосредственными учениками и одновременно въ послѣдніе годы жизни во многомъ врагъ новаторства. Въ высшей степени независимый и вліятельный членъ Академіи Художествъ. Меценатъ, принесшій столь щедрую и во многомъ столь бесплодную денежную жертву на алтарь русскаго искусства. Знаменитый живописецъ, славѣ котораго вѣрили въ кредитъ, цѣлые десятки лѣтъ не выставлявшій ни одной картины и тѣмъ не менѣе до конца заставлявшій говорить о себѣ. Какихъ только анекдотовъ, рассказовъ не ходило о Куинджи! И объ амбулаторіи, устроенной имъ для больныхъ птицъ на крышѣ своего дома, и о болѣе, чѣмъ легкому костюмѣ, въ которомъ онъ щеголялъ лѣтомъ въ своемъ крымскомъ имѣніи, и объ удивительно изящныхъ проявленіяхъ душевной утонченности, согласно, напримѣръ, разсказу одного крупнаго современнаго

художника, его ученика. Послѣ одного собранія, ночью, уже больной, въ дурную погоду Куинджи ѣдетъ извиняться къ этому художнику, котораго, какъ ему показалось, онъ несправедливо обидѣлъ въ своей бурной рѣчи.

Едва-ли надо подробно останавливаться на біографіи Архипа Ивановича Куинджи, такъ какъ она не богата внѣшними фактами и событіями, вліявшими на его художественную дѣятельность, если, конечно, исключить феерическій успѣхъ его знаменитыхъ картинъ. Главный источникъ этой дѣятельности въ самой личности характернаго южанина, „грека“,—какъ называлъ его Крамской, типичнаго самородка, всѣмъ своимъ развитіемъ обязаннаго почти исключительно самому себѣ. Къ сожалѣнію, о дѣтскихъ и юношескихъ годахъ Куинджи очень мало извѣстно: Родился онъ на югѣ въ 1842 г., уже рано настолько выдавался даровитостью, что попалъ въ ученики къ Айвазовскому, затѣмъ очень недолго учился въ Академіи Художествъ, гдѣ и получилъ въ 1878 г. званіе некласснаго художника, т. е. низшее званіе, которое давалось почти всѣмъ ученикамъ, оставлявшимъ академію до выслуги медалей. А между тѣмъ въ то время онъ былъ уже почти знаменитымъ художникомъ, авторомъ „Степи“—(1875 г.), „На островѣ Валаамѣ“ (1873 г.) и другихъ картинъ. За то съ преобразованиемъ Академіи Художествъ, онъ сразу получаетъ званіе „профессора“

и въ 90-хъ годахъ становится ея фактическимъ профессоромъ, но въ 1898 году выходитъ въ отставку, оставаясь до конца жизни членомъ Академіи, а также Общества поощренія художествъ. Куинджи не разъ бывалъ за границей. Въ одномъ изъ своихъ писемъ 1875 года Крамской пишетъ: „поговорилъ всласть съ глубокимъ грекомъ: я покатывался со смѣху, когда онъ излагалъ свои взгляды на Европу, искусство, Фортуни, Коро и прочее“. Къ сожалѣнію эти взгляды не изложены болѣе подробно. Въ 1898 г. Куинджи возилъ на свой счетъ за границу въ Парижъ, Берлинъ, Мюнхенъ и Вѣну 14 учениковъ Академіи. Въ послѣдніе годы жизни онъ занималъ видный, хотя и не офиціальныи постъ при художествѣ, оставаясь только членомъ двухъ казенныхъ учреждений. Болѣзнь сердца подтачивала крѣпкій организмъ, припадки ея все учащались и въ августъ—1910 года художника не стало.

Художественная дѣятельность Куинджи—почти въ предѣлахъ 70-хъ, начала 80-хъ годовъ, если, конечно, говорить о публичномъ выставочномъ періодѣ этой дѣятельности. Художникъ работалъ всю жизнь, но съ конца 80-хъ годовъ произведенія его уже не появлялись на выставкахъ. Почти всѣ самыя знаменитыя его произведенія въ Третьяковской галлерей, за исключеніемъ „Ночи на Днѣпрѣ“, находящейся въ Мраморномъ дворцѣ (другая „Ночь“ поступила прямо изъ мастерской въ коллекцію Терещенко).

Дикорь утрома

Третьяковская галерея

Зенить славы Куинджи, какъ художника, обусловленъ появленіемъ „Березовой рощи“ и „Ночи на Днѣпрѣ“. Огромный успѣхъ этихъ картинъ, выставлявшихся отдѣльно, можно сравнить развѣ только съ успѣхомъ Верещагинскихъ выставокъ. Въ восторгахъ сходились всѣ, отъ ошеломленной небывалыми въ живописи эффектами части публики, обычно равнодушной къ выставкамъ, до такого дѣйствительно единственнаго цѣнителя тогдашней русской живописи, какимъ былъ Крамской. Надо замѣтить, что въ отзывахъ Крамского, разбросанныхъ въ его извѣстныхъ письмахъ, сдѣлана уже тогда вѣрная характеристика Куинджи и многихъ его произведеній, если исключить естественныя преувеличенія и, такъ сказать, безотносительность оцѣнки, внѣ сравненія съ тогдашней европейской живописью. Суворинъ по поводу „Ночи на Днѣпрѣ“ въ 1881 г. написалъ о Куинджи: „отнынѣ это имя знаменито“. Объ отношеніи нѣкоторыхъ тогдашнихъ художниковъ находимъ интересное мѣсто въ письмѣ Крамского къ Третьякову 1-го Марта 1879 г.: „публика привѣтствовала ихъ (картины Куинджи) восторженно, художники же (т. е. пейзажисты) въ первый моментъ оторопѣли (они не приготовились), долго стояли съ раскрытыми челюстями и только теперь начинаютъ собираться съ духомъ, и то яростно, то исподтишка пускаютъ разные слухи и мнѣнія; многіе доходятъ до высокаго

комизма въ отрицаніи его картинъ“. Въ настоящее время сдѣланы уже безпристрастныя, ретроспективныя оцѣнки, напр. въ трудахъ по исторіи русской живописи Александра Бенуа и Игоря Грабаря. Куинджи цѣликомъ ушелъ въ область прошлаго и, разумѣется, говорить о немъ съ точки зрѣнія самыхъ новѣйшихъ принциповъ живописи, внѣ исторической связи и преемственности, было бы несправедливо.

И вотъ, несмотря на то, что наша живопись въ послѣднія десятилѣтія прошла такіе сложные пути, дала столько развѣтвленій новыхъ направленій, и сейчасъ „Березовая Роща“ Куинджи—одна изъ самыхъ сильныхъ, оригинальныхъ картинъ въ старыхъ залахъ Третьяковской галлерей. Да, она театральна, панорамична, слабо рисована; шокируетъ совсѣмъ не живописный фокусъ—оставленный тонъ коричневой подмалевки одинаково въ тѣневыхъ мѣстахъ всѣхъ стволовъ и сучьевъ. Но въ изображеніи момента съ удивительной небывалой силой запечатлѣны экстазъ, радость, владѣвшіе тогда художникомъ при созданіи совершенно новой для того времени, околдовавшей правдивой силой, картины. Лунныя ночи Куинджи, эффекты „Грозы“, вечерняго освѣщенія, слишкомъ потомъ были использованы подражателями, конечно, былъ использованъ и эффектъ солнечнаго освѣщенія въ лѣсу, но искренняя дерзость „Березовой Рощи“.